

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Моругиной Ксении Сергеевны «Житие св. Панкратия Таорминского (по рукописи ГИМ Син. греч. 15, 1022/3 г.) как исторический источник», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

Работа Ксении Сергеевны Моругиной, представленная к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвящена раскрытию источниковедческого потенциала крупного памятника византийской агиографической литературы – второй, «афонской», редакции Жития св. Панкратия Таорминского. Оно освещает историю византийской христианской миссии в Средиземноморье и содержит сложный сплав цитат и аллюзий из библейских текстов, многочисленных произведений античной и византийской литературы. Однако его обширное повествование наполнено не только литературными топосами и заимствованиями из различных источников, но и реалиями разных исторических периодов. Раскрытие информационного потенциала текста Жития и особенностей второй редакции текста – сложная и интересная задача для историка.

Научную значимость и актуальность исследования определяет уникальность и разноплановость сведений по античной и византийской истории, содержащейся в Житии. Многие его сообщения относятся к древнейшему периоду истории Церкви, а также не встречаются в других источниках, поэтому чрезвычайно важной задачей является проведение всестороннего источниковедческого анализа для их верификации и введения в научный оборот. Обращает на себя внимание широта междисциплинарного подхода к материалу. К.С. Моругина ставит своей целью раскрытие информативных возможностей текста Жития в двух редакциях, анализ отраженных в нем разноплановых исторических реалий и выявление многочисленных источников текста, их научную критику, кодикологический анализ древнейшего списка рукописи второй редакции Жития и изучение текстологического соотношения ее с первой редакцией.

Важно отметить *научную новизну* работы: в фокусе внимания диссертантки оказывается вторая, «афонская», редакция Жития начала XI в., до сих пор не являвшаяся объектом специальных исследований. Диссертантка впервые в историографии предпринимает попытку сравнения двух редакций этого произведения, возникших в разное время и заметно отличающихся друг от друга, реконструирует контекст возникновения его второй, редакции, выполняет всестороннее кодикологическое описание содержащего ее древнейшего списка – пергаменного греческого манускрипта 1022/1023 г. (ГИМ, Син. гр. 15). Новаторским является и всесторонний анализ источников Жития, который в работах предшественников не носил системного характера. Выделение в повествовании разных исторических пластов представляется важным достижением автора диссертации. В результате источниковедческого анализа исследовательницей получены новые данные по широкому спектру проблем. Кроме того, научная новизна работы состоит в введении второй редакции Жития по древнейшему списку в научный оборот и русскоязычное культурное пространство, чему способствует подготовленный диссертанткой к публикации текст исследуемого византийского памятника на языке оригинала и в переводе на русский язык.

Выработанная диссертанткой система доказательств определяет *обоснованность положений, выводов и рекомендаций*, представленных в работе, поскольку базируется на строго научном подходе к материалу исследования и привлечением большого фактического материала. Обширная источниковая база подтверждает *достоверность* настоящего исследования. *Теоретическая значимость* диссертации проявляется в комплексном подходе и методах исследования текста, позволивших провести всесторонний анализ данных и оценить их исторический потенциал, высказать предположения об обстоятельствах происхождения рассматриваемой редакции, личности автора Жития, вскрыть характер используемых источников и творческую лабораторию его создателя. *Практическая значимость* работы заключается, прежде всего, во введении в научный оборот текста второй, «афонской», редакции Жития св. Панкратия и осуществления научного перевода греческого текста на русский язык. Кроме того, выводы, полученные в работе, могут использоваться при создании лекционного материала по источниковедению, истории Церкви и византийской литературы в рамках учебных курсов по подготовке историков и литературоведов.

Хронологические рамки исследования достаточно широки: они охватывают I–VIII и XI вв. и соответствуют представленным в Житии Панкратия историческим реалиям, а также времени создания объекта диссертационного исследования – греческой рукописи ГИМ, Син. 15. Работа обоснованно структурирована и отличается четкостью изложения и подачи материала. Структура исследования не вызывает нареканий и органична предмету исследования. Она состоит из *Введения*, трех глав, *Заключения*, библиографических ссылок, включающих в себя источники и обширный список литературы, и *Приложения*, в котором исследовательница размещает наборный греческий текст второй редакции изучаемого ей памятника по рукописи ГИМ, Син. греч. 15 и его перевод на русский язык.

Во *Введении* обосновывается актуальность выбранной темы, вкратце характеризуется степень ее разработанности в историографии, обозначается источниковая база, хронологические и территориальные рамки, раскрыта методология исследования, объект, предмет, цели и задачи, определена новизна, теоретическая и практическая значимость работы, заявлены основные положения диссертации, выносимые на защиту. Обращает на себя внимание комплексный подход при формулировке целей и задач исследования, широта их междисциплинарного охвата: заявленное текстологическое и источниковедческое исследование «афонской» редакции византийского памятника агиографической литературы сочетается с подготовкой его к публикации на языке оригинала и комментированным переводом на русский язык, с кодикологическим и палеографическим анализом уникального византийского манускрипта, в котором он содержится.

Первая глава «Характеристика источников» разделена на четыре параграфа, которым предшествует небольшое вступление с краткой характеристикой исследуемого памятника и обзором существующих проблем его датировки, места происхождения и авторства. *Первый параграф* посвящен историографии Жития св. Панкратия Таорминского. Исследовательница обнаруживает хорошее знакомство с зарубежной литературой и ее достижениями в изучаемом вопросе, обрисовывает большой круг проблем, которые связываются с изучаемым памятником.

Во *втором параграфе* решается вопрос о его источниках. Отмечается, что общепризнанной является характеристика Жития Панкратия как пространного, сложного,

«местами сотканного из цитат» текста. Часть его источников была определена уже в предшествующих работах. Тем не менее, этот раздел работы К.А. Моругиной представляется нам наиболее сложным и интересным в источниковедческом плане, поскольку систематического анализа и поиска использованных в Житии источников проведено до сих пор не было. Этот вопрос непосредственно связан с выявлением в нем разновременных пластов, отраженных в разных сюжетах и мотивах, присущих разным эпохам и регионам. Исследовательница обнаруживает широкую эрудицию и знание античной и византийской литературы. Можно также отметить ее большую работу по выявлению в Житии Панкратия ветхозаветных и новозаветных цитат. Она проанализировала предпочтения автора Жития и систематизировала их наглядно в виде отдельного списка. В качестве примера сложного состава текста в этом параграфе помещена таблица с выявленными цитатами и аллюзиями на библейские и святоотеческие тексты из начальной и завершающей части произведения на греческом и русском языках. В структуре текста Жития выделяется крупный самостоятельный фрагмент – сицилийская Легенда о Тавре и Мении, отражающая социокультурную, экономическую, политическую историю византийской Южной Италии. Ее сюжетные параллели и заимствования автор находит в новых, дополнительных к уже выявленным, источниках – «Жизнеописании Августов» конца IV – начала V в. и романе «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия (II в. н.э.). Анализ текста Легенды, содержащей массу сведений по истории античной Таормины, заставляет исследовательницу поставить вопрос о пересмотре ее эвристического потенциала и более скрупулезном анализе текста и верификации сообщаемых им сведений. Автор подвергает сомнению правомерность высказанных в историографии гипотез об отдельных текстах – источниках Жития (Жития Аполлинария Равеннского, Жития Григория Агригентского). Однако ряд предложенных ею текстов в этом качестве так же вызывает сомнения из-за слишком общего характера сведений, которые подвергаются автором компаративному анализу (труды свт. Григория Богослова, Григория Нисского, Ефрема Сирина, Евангелие философа Ксантиппа).

Третий параграф первой главы посвящен всестороннему изучению рукописи ГИМ, Син. греч. 15, которая является основным списком рассматриваемой исследовательницей второй, «афонской», редакции Жития Панкратия. Здесь даются сведения о ее писце, заказчике, историографии, сообщаются данные о скриптории афонского Ивирского монастыря, в котором она была написана. Автор выполнила подробное кодикологическое описание этого памятника, соответствующее всем современным научным требованиям, а также описание его состава с инципитами разделов текста. Особое внимание уделено пометам и записям в рукописи, раскрывающим нам ее происхождение и бытование. Интересной нам представляется гипотеза автора о том, что Син. греч 15 создавалась как «рабочий» список с целью его дальнейшего использования для перевода текста на грузинский язык. В поисках потенциальных заказчиков этого перевода разработаны две версии, которые указывают на высшие слои грузинской аристократии.

В *четвертом параграфе* первой главы Житие св. Панкратия рассматривается как литературное произведение в контексте агиографических памятников эпохи македонского ренессанса – X–XI вв., когда были созданы его древнейшие списки.

Вторая глава «Исторические реалии в Житии св. Панкратия», как и *первая*, разделена на четыре параграфа. В *первом и втором параграфе* исследовательница

демонстрирует источниковедческий подход к Житию как историческому источнику. Его текст содержит свидетельства, относящиеся к широкому кругу религиозных и историко-культурных аспектов, подробно описывает топографию Сицилии и Калабрии, а также приводит сведения о славянах и аvaraх на Сицилии. Исследовательница считает, что его изучение с исторической точки зрения помогает ответить на вопросы, связанные с тем, как сами византийцы представляли себе апостольскую эру и относились к своему прошлому.

В *первом параграфе* она рассматривает упоминание в нем античных и ранневизантийских исторических реалий I–VII вв. Чрезвычайно интересными представляются нам сведения о писчих материалах и принадлежностях, отрывки описывающие процесс создания и использования культовых изображений и декорирования ими церковей предположительно в раннюю апостольскую эпоху. Также хочется отметить комплекс свидетельств о деталях языческих культов, которые исследовательница находит вполне представительными.

Во *втором параграфе* рассматриваются встреченные в Житии реалии VIII–XI вв. Она приходит к выводу о том, что в Житии Панкратия отражены все аспекты социально-политического взаимодействия Церкви в лице ее высшего иерарха с государством и обществом, а само произведение представляет собой «идеологически направленное произведение церковной литературы, в занимательной (беллетристической) форме выражающее представления определенных (возможно, провинциальных) кругов интеллектуальной элиты о фигуре высшего церковного иерарха в эпоху ранней Церкви». Подобная идеологическая направленность была востребованной как в VIII в., так и позднее. Среди конкретных реалий этого периода также находятся сведения о реальных чертах города, о написании икон, о гражданском и военном управлении, о денежной системе и уровне цен, о школах. Подробное описание географии регионов Сицилии и Калабрии свидетельствует о связи агиографа или редактора Жития с этим местом.

Третий параграф второй главы посвящен реконструкции событийной канвы в Житии, ее внутренним и внешним противоречиям. В *четвертом параграфе* решается вопрос о личности автора Жития, об уровне его образованности, круге чтения, литературном мастерстве. Фигурирующий в Житии рассказчик Евагрий, от лица которого ведется повествование, «домашний раб» и ученик св. Панкратия может быть, как полагает исследовательница, реальным лицом. Исследователи отмечают его особое внимание в тексте к письму, делопроизводству, написанию икон и фресок, строительству храмов. Предполагается, что местом создания Жития мог быть Константинополь, о чем говорит высокий уровень образованности и начитанности автора, характерный для столичных книжников. Круг его чтения чрезвычайно широк и включает как произведения античных авторов, так и творения Отцов Церкви и другую христианскую литературу, в том числе принадлежащую к апокрифической традиции. В то же время хорошее знание топографии Южной Италии и Сицилии свидетельствует о том, что автор либо был местным уроженцем, либо жил в этом регионе. Вероятнее всего, он мог принадлежать к высокообразованным клирикам. Выдающееся мастерство и одаренность автора выражается, по мнению исследовательницы, в его творческой манере – глубокой переработке заимствованных сюжетов, в интеллектуальной и литературной игре.

В *третьей главе* диссертации рассматриваются вопросы текстологии первой и второй редакции Жития св. Панкратия. К.С. Моругина излагает выводы своей

предшественницы С. Дж. Столлман, которая полагала, что созданная, по ее мнению, в X в. первая редакция текста неоднородна и делится на три группы. Вторая редакция, возникшая на Афоне в начале XI в., однородна. Третья редакция представлена в одном списке XII в. и является сокращенной версией первой редакции, созданной в итало-греческой среде Южной Италии. Между первой и второй редакцией текста имеются значительные разночтения как в композиционном, так и в лингвистическом плане. К.С. Моругина приходит к выводу, что вторая редакция, представленная в рукописи Син. греч. 15, является литературной обработкой первой, в процессе которой текст Жития был значительно сокращен (и лишь в отдельных местах расширен) и подвергнут лексико-грамматической правке.

Заключение диссертации суммирует основные идеи и положения, выносимые на защиту. В результате исследования были получены новые научные данные. Ксенией Сергеевной Моружиной впервые был всесторонне изучен древнейший список второй редакции Жития св. Панкратия – греческая рукопись 1022/1023 г. из собрания Государственного исторического музея Син. греч. 15, транскрибирован и переведен на русский язык греческий текст, выполнено кодикологическое описание памятника, представлено текстологическое и источниковедческое исследование, компаративный анализ первой и второй редакции текста. В ходе исследования была также проанализирована событийно-хронологическая канва Жития. Заслужено К.С. Моружиной стал всесторонний и системный анализ источников Жития, наполненного многочисленными цитатами из разных сочинений. Автор отмечает, что все они относятся к категории текстов, имеющих параллели с текстом Жития. Удачным можно признать решение дистрибутировать степень влияния потенциальных источников на категории: прямые цитаты, не прямые цитаты, параллели сюжетов, жанровая близость. Исследовательнице удалось выявить три информационных пласта текстов двух редакций, верифицировать сообщаемую в них информацию и разделить ее по степени достоверности. Она пришла к выводу, что ряд сообщений Жития имеет чисто литературную основу и не может восприниматься как отражение исторической реальности. Те же свидетельства текста, что имеют опору на исторические реалии, не должны восприниматься некритично, т.к. в ряде случаев автор Жития реализует свои идеологические задачи. Древнейший пласт Жития связан с ранней историей Церкви. В нем отразились как литературные топосы, так и реальные локальные особенности раннего периода существования таорминской Церкви. Интересны наблюдения автора о более позднем пласте информации, попавшем в Житие Панкратия из источника IV–VI вв. Особенно важной представляются нам вновь выявленная автором диссертации достаточная многочисленная группа источников II–V вв., среди которых как светские произведения – роман «Левкиппа и Клитифонт» Ахила Тагия, «Жизнеописание Августов», так и церковные, в т.ч. и апокрифические. Третий пласт выявленной исследовательницей информации относится к более позднему периоду – VI/VII–XI вв. Он демонстрирует высокий уровень исторической культуры, знание истории Церкви и христианской литературы. Большой интерес представляет решение вопроса об авторе текста. Оригинальным является предположение о причинах возникновения второй редакции на Афоне в начале XI в. – интересе к Житию Панкратия новых заказчиков грузино-армянского происхождения, способствовавших и переводу этого произведения там на грузинский язык.

Научный аппарат диссертации представляет собой список библиографических ссылок, включающих в себя источники и обширный список литературы, а также два *Приложения* с набранным греческим текстом Жития по списку 1022/1023 гг. ГИМ, Син. греч. 15 и его русским переводом.

Несомненным достоинством диссертации является высокий уровень междисциплинарного подхода К.С. Моругиной, которая разрабатывает тему сразу в нескольких направлениях: раскрытие информативных возможностей текста Жития в двух редакциях, обзор исторических реалий в Житии св. Панкратия и выявление источников текста, кодикологический анализ рукописи, содержащей текст второй редакции Жития св. Панкратия, и изучение текстологического соотношения первой и второй редакции Жития. Кроме того, важным достижением автора является введение второй редакции Жития (по списку (ГИМ. Син. гр. 15 (Влад. 381) в научный оборот и русскоязычное культурное пространство путем подготовки его к публикации на языке оригинала и в переводе на русский язык с комментариями.

Отмечая научную ценность и несомненную востребованность представленного к защите исследования К.С. Моругиной, хотелось бы высказать и некоторые замечания. Представляется возможным указать на следующие:

1. Выявленные параллели к тексту Жития Панкратия из части византийских источников нельзя признать убедительно доказанными. Это относится к произведениям свт. Григория Богослова, Евангелию философа Ксантиппа, свт. Григория Нисского, Ефрема Сирина. Ряд предложенных исследовательницей параллелей в текстах является литературным топосом или усвоенным знанием, поэтому для демонстрации реальной связи указанных произведений нужно искать дополнительные аргументы. Это относится и к рассуждениям о новом потенциальном источнике типа гармонии или предисловия к Евангелию (с. 86), однако ничего не мешает трактовать рассматриваемый фрагмент как просто отсылку к манускрипту Четвероевангелия. Тем более ниже автор прямо пишет о чтении Панкратием четырех Евангелий, упомянутом в Житии.

2. Так же неочевидным является вывод об отсутствии у автора Жития следов почитания Богородицы (с. 98). Его К.С. Моругина видит в том, что автор Жития не провел аналогии с чудом Богородицы во Влахернах, когда он описывал чудесное спасение Тавромения вынесенным на городскую стену кресту и иконы ап. Петра. Помимо того, что отсутствие такого сравнения не говорит об отсутствии почитания Богородицы, нужно помнить, что Панкратий был учеником ап. Петра, поэтому очевидно, что чудо происходит с иконой учителя главного героя повествования (и тем самым повышает авторитет самого Панкратия). В дальнейшем тексте Жития также встречаются упоминания иконы ап. Петра и его особое почитание св. Панкратием. Поэтому вопрос о почитании Богородицы нам кажется не связанным с текстом Жития. В нем отсутствуют многие другие сюжеты, и это нельзя считать как-то специально мотивированным.

3. Исследовательница фиксирует в Житии значительный материал по догматике и исторической литургике. Ранние свидетельства о церковных обрядах (литургии, утренних и вечерних служб, крещения) и читаемых на них текстах редки и чрезвычайно важны для истории христианского богослужения. Область Южной Италии представляла собой особую зону на стыке византийских и латинских традиций, и тем она особенно интересна. Однако автор решает не останавливаться на этом подробно, что вызывает сожаление. Даже упомянутая автором определенная эволюция в описании обряда крещения остается

нераскрытой. Раскрытие источникового потенциала рассматриваемого Жития было бы намного полнее, если бы был представлен и историко-литургический материал.

4. Существует ряд технических замечаний к тексту. Например, в передаче шифров Синодального греческого собрания ГИМ указания «ГИМ № 362, 74, 388» недостаточно, поскольку здесь отсутствует указание на конкретное собрание, которых в ГИМе несколько десятков (с. 100). Кроме того, существует еще одна традиция ссылок на «Описание Синодального греческого собрания» архим. Владимиром, где рукописи имеют шифр, отличающийся от расстановочного в Синодальном собрании. Поэтому важно правильно указывать шифр рукописи во избежание путаницы. То же невнимание к шифрам можно отметить при ссылке на афонские рукописи: ««афонские №№ 50, 54 и тифлисский № 134» (с. 107). Кроме того, при описании рукописи ГИМ, Син. греч. 15 было бы не лишним дать ее научное название. Мы нашли в тексте диссертации лишь одиночное краткое упоминание ее названия как «сборник» (с. 105). Также при описании рукописи хотелось бы видеть краткую атрибуцию входящих в рукопись текстов, а не ограничиться цитированием их самоназваний. Какие-то из них выглядят очевидными, какие-то нет. Представляется, что конвой Жития Панкратия в рукописи важен. Нужно отметить, что подробная роспись состава Син. греч. 15 с инципитами была сделана архим. Владимиром в упомянутом выше Описании, однако этот факт не был отмечен диссертанткой при изложении этого материала (с. 105–106).

5. Ряд небольших замечаний есть и к характеристике исследовательницей существующих Каталогов Синодального собрания с описанием Син. греч. 15. Как наиболее ранний в тексте диссертации указан каталог протодьякона Гедеона 1773 г. (с. 111–112), но ничего не сказано о еще более раннем каталоге греческих рукописей Синодальной библиотеки Афанасия Скиады. По поручению Синода по случаю предстоящего осмотра Синодальной библиотеки женихом царевны Анны Петровны герцогом Голштинским Карлом Фридрихом он выполнил в 1723 г. первое русское Описание греческих рукописей в Москве, ставшего образцом для дальнейших библиотечных описей («*Catalogi duo codicum manuscriptorum graecorum, qui in Bibliotheca Synodali Moscovensi asservantur...*» / «Два каталога рукописанных книг греческих, в Синодальной библиотеке в Москве обретающихся...» М., 1723; перепечатан в XVI томе «Отечественных записок» 1841 года). При этом К.С. Моругина при описании записей демонстрирует осведомленность об работе А. Скиады (с.104), однако указание на его Каталог она упустила.

Кроме того, хотелось бы рекомендовать изменить подход в изложении истории описания рассматриваемой рукописи. В диссертации лишь названы описания протодьякона Гедеона 1773 г., арх. Владимира (Филантропова) 1894 г., Б.Л. Фонкича и Ф.Б. Полякова 1993 г., однако степень их вклада в характеристику Син. греч. 15 не раскрыта. Так, в тексте можно найти утверждение, что в результате описания арх. Владимира рукопись всего лишь получила новый шифр (с. 112), а Б.Л. Фонкич учел «новые наблюдения разного рода: в том числе, применительно к рукописи Син. гр. 15» (с. 100). Однако, как мы уже указывали выше, приведенная в данном исследовании подробная роспись содержания рукописи с инципитами была сделана именно архим. Владимиром, а Б.Л. Фонкич верифицировал данные описания архим. Владимира, дал современные размеры этого кодекса, опубликовал помету XVI в., составил библиографическую справку.

6. Хочется отметить, что палеографическая характеристика Син.греч. 15 представляется нам недостаточной. Исследовательница с исчерпывающей полнотой указала историографию вопроса, сообщила о выявленном в историографии писце этой рукописи – каллиграфе Феофане Ивирите, а также о других манускриптах, которые он написал. Она также сообщила наблюдение Б.Л. Фонкича о потере почерка своей первоначальной строгости в этой рукописи и приближении его к курсиву. Это обстоятельство она логично объясняет намерением писца подготовить для себя или для кого-то другого «непарадный», «рабочий» список. Однако как таковое палеографическое описание почерка отсутствует. Тем не менее, оно важно для доказательства снижения каллиграфии писца именно в этом кодексе и обоснования гипотезы о «рабочем» характере рассматриваемого списка.

7. Нам представляется недостаточно убедительным решение рассматривать Житие Панкратия в комплексе житий X–XI вв., на том основании, что самые ранние списки Жития Панкратия относятся к этому времени. Хотелось бы видеть более четкую артикуляцию датировки первой редакции Жития, высказанной в историографии, и более обоснованную аргументацию датировки второй редакции Жития. Бытование древнейшего списка второй редакции на Афоне и его датировка первой четвертью XI в. – важные, но недостаточные аргументы для характеристики его происхождения.

Высказанные замечания не носят принципиального характера, они исправимы и не снижают хорошего качества и значения исследования, а также общей положительной оценки диссертации Ксении Сергеевны Моругиной. Они важны для дальнейшей публикации данной работы в виде отдельного издания на достойном научном уровне.

Представленную к защите диссертацию можно оценить как серьезное научное исследование с введением в научный оборот не опубликованных ранее материалов. Цель исследования и его задачи, и соответственно, положения, выносимые на защиту, сформулированы с предельной ясностью, а выводы, поставленные автором, вполне коррелируют с поставленными задачами. Таким образом, цель, поставленную в диссертации К.С. Моругиной, можно считать достигнутой. Разработанные здесь теоретические и методологические положения имеют несомненное значение для развития современного искусствознания.

Автореферат по своему содержанию и структуре соответствует тексту диссертации, отражает ее цели и задачи, основные положения и выводы. Публикации по теме исследования, размещенные в изданиях «Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий», в полной мере отражают основные положения исследования.

Диссертация Ксении Сергеевны Моругиной «Житие св. Панкратия Таорминского (по рукописи ГИМ Син. греч. 15, 1022/3 г.) как исторический источник» является научно-квалификационной работой, отвечает требованиям актуальности, достоверности и новизны полученных данных – всему комплексу требований, предъявляемым к кандидатским диссертациям (пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, с изменениями и дополнениями 2016–2023 гг.), а ее автор Ксения Сергеевна Моргуина заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела рукописей и старопечатных книг
Государственного исторического музея

Елена Владимировна Уханова

29.09.2023 г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»
103012, Москва, Красная площадь, д.1
Тел.: +7 495 692-11-70,
Сайт: <https://shm.ru>
E-mail: evoukhanova@mail.ru, shm@shm.ru

Подпись руки Е. В. Ухановой

удостоверяю

